

ПУШКИНСКИЙ МИФ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

THE PUSHKIN MYTH IN RUSSIAN CULTURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-728-737

EDN: OYARIF

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

«Александр Сергеич, я о вас скучаю»: Пушкин – персонаж лирики Георгия Иванова

И.А. Тарасова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
tarasovaia@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования – выявить стилистические средства создания образа Пушкина, его эстетическую функцию в произведениях Георгия Иванова. Отмечается, что отсылки к творчеству А.С. Пушкина занимают существенное место в интертексте Г. Иванова. Пушкин присутствует в поэтическом мире Г. Иванова не только на уровне слова и образа, он живой персонаж лирических стихотворений, возникающий в пяти текстах разных периодов творчества. В фокус внимания поэта попадают важные эпизоды пушкинской судьбы: лицей, восстание декабристов, женитьба, дуэль, смерть. Особое внимание уделено способам введения Г. Ивановым Пушкина-персонажа в поэтический текст: метрической аллюзии на пушкинский гекзаметр; концептуальной интеграции ментальных пространств; символизации (Пушкин – один из символов оставленной России); стилиевой трансформации разговорных жанров. В результате сделаны следующие выводы: фигура Пушкина воплощает различные грани художественного смысла, актуального для лирического героя Г. Иванова, – мечту о поэтической славе, личную вовлеченность в трагические исторические события, прикосновение к мировой гармонии, музыке сфер, мужество перед лицом смерти; ориентируясь на пушкинскую антиномию «ничтожного» и «божественного», Г. Иванов строит образ Пушкина на пересечении высокой патетики и сниженной разговорной стихии.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Г. Иванов, интертекст, стилистические средства, эстетическая функция, лирический герой

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 августа 2025 г.; отрецензирована 18 сентября 2025 г.; принята к публикации 20 сентября 2025 г.

© Тарасова И.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Тарасова И.А. «Александр Сергеевич, я о вас скучаю»: Пушкин – персонаж лирики Георгия Иванова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 728–737. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-728-737>

“Alexander Sergeyich, I Miss You”: Pushkin – A Personage of Georgy Ivanov’s Lyrics

Irina A. Tarasova

Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russian Federation

✉ tarasovaia@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify the stylistic means of creating the image of Pushkin, as well as its aesthetic function in Georgy Ivanov’s works. It is argued that the intertext of G. Ivanov, references to the works of A. Pushkin occupy a significant place. However, Pushkin is present in the poetic world of G. Ivanov not only at the level of words and images, he is a living character in lyric poems, appearing in five texts from different periods of creativity. G. Ivanov focuses on important episodes of Pushkin’s fate: The Lyceum, the Decembrist uprising, marriage, duel, death. The major focus is G. Ivanov’s various techniques to introduce Pushkin as a character into the text: metrical allusion to Pushkin’s hexameter poems; conceptual integration of mental spaces; symbolization (Pushkin is one of the symbols of abandoned Russia); stylistic transformation of conversational genres. The following conclusions were made as the major result of the research: The figure of Pushkin embodies various facets of artistic meaning, relevant for the lyrical hero of G. Ivanov – the dream of poetic glory; personal involvement in tragic historical events; touching the world harmony, the music of the spheres; courage in the face of death; Guided by Pushkin’s antinomy of the “humble” and the “divine,” G. Ivanov constructs the image of Pushkin at the intersection of high pathos and low conversational elements.

Keywords: A. Pushkin, G. Ivanov, intertext, stylistic means, aesthetic function, lyrical hero

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 25, 2025; revised September 18, 2025; accepted September 20, 2025.

For citation: Tarasova, I.A. (2025). “Alexander Sergeyich, I Miss You”: Pushkin – A Personage of Georgy Ivanov’s Lyrics. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 728–737. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-728-737>

Введение

В произведениях Георгия Иванова (1894–1958), выдающегося поэта первой волны русской эмиграции, регулярно встречаются отсылки к творчеству А.С. Пушкина: он присутствует в поэтическом мире не только на уровне слова и образа, но и как живой персонаж лирических стихотворений, возникающий в пяти текстах разных периодов творчества. В фокус внимания Г. Иванова

попадают важные эпизоды пушкинской судьбы: лицей, восстание декабристов, женитьба, дуэль, смерть. А.Ю. Леонтьева (2019, с. 298) называет серию этих эпизодов «лирической биографией» поэта. Мы обратим внимание не столько на биографическую канву, сколько на стилистические средства создания образа персонажа (Пушкина) и способы его введения в текст.

Результаты и обсуждение

Первое упоминание Пушкина в поэзии Г. Иванова относится к 1912 г. («26 августа 1912 г.»). Иванову в это время всего семнадцать, и как поэт он никому не известен, но очень хорошо представляет тот поэтический идеал, к которому нужно стремиться. Стихотворение, посвященное Бородинской годовщине (*Празднуем в этот день славную мы годовщину. / Вновь Бородинских знамен шелест волнует сердца*¹), превращается в стихотворение, посвященное А.С. Пушкину. Событие исторической для России битвы – «славы Отчизны» – рассматривается автором как равновеликое проявлению поэтического гения Пушкина (*Не победами лишь светел двенадцатый год: / Юный Пушкин в те дни, миру еще неведом, / Первые ласки муз в Царском Селе узнавал*²).

А.Ю. Леонтьева (2019, с. 298) в качестве претекста стихотворения называет пушкинское «Воспоминания в Царском Селе» (на основе тематической общности). По нашему мнению, заслуживает внимания тот факт, что образ Пушкина создается при помощи метрической аллюзии на античные размеры (гекзаметр/пентаметр) в произведениях самого Пушкина, то есть является чисто литературным знаком. Говоря словами И.Ю. Роготнева (2019, с. 114), античный размер «здесь не только конвенционален (опознается как маркер определенных поэтических тем), но и аллюзивен»³. Он представляет собой иконический метрический знак: метрическая основа стихотворения изображает самого упоминаемого поэта.

Представляется возможным установить смысловые переключки текста Георгия Иванова как с пушкинской «Царскосельской статуей» (иконическое описание локуса Царского Села при помощи соответствующего размера), так и с двестишьем на перевод «Илиады» – поэтической хвалой Гнедичу (на уровне поэтической прагматики). В последнем случае возникает метрическая система зеркал: Пушкин имитирует (отображает) иконически (размером) гений Гнедича-переводчика, который, в свою очередь, есть отражение гения Гомера. Иванов же имитирует уже пушкинский размер, выступающий в семантическом ореоле его поэтической славы и тем самым как бы подключается к диалогу великих поэтов. Образ Пушкина у юного Г. Иванова вполне канонический: это еще не живой персонаж, а скорее, элемент топоса (выразительного

¹ Иванов Г.В. Стихотворения. СПб. : Академический проект, 2005. С. 366. Курсив в цитатах принадлежит автору статьи.

² Там же.

³ О русском гекзаметре и его вариациях в поэзии Пушкина см.: Бонди С.М. Пушкин и русский гекзаметр // О Пушкине : статьи и исследования. М. : Художественная литература, 1978. С. 310–371.

«общего места») «поэт и музы». Употребление имени Пушкина в последней строке отчетливо риторично: *Но, ответа страишь, судьбу вопросить не смею, / Пушкину равный поэт будет у нас когда*⁴.

Стихотворение 1919 г. «Пушкина, двадцатые годы...» построено по модели концептуальной интеграции (концепция М. Тернера – Ж. Фоконье (Fauconnier, Turner, 2002)). Оно представляет собой бленд, то есть концептуальную структуру, в которой объединяются несколько исходных ментальных пространств. М. Тернер и Ж. Фоконье понимают блендинг как динамическое образование, в котором происходит одновременное удержание внимания на двух компонентах образного мира за счет возникающих между ними смысловых перекличек. Вслед за автором читатель проецирует одно входное пространство на другое и создает в своем воображении результирующее пространство бленда.

Обратимся к тексту Г. Иванова. В первых строфах возникают два сопоставленных ментальных мира – мир 1820 гг. и современности (послереволюционный Петроград). Внутренняя связь между ними эксплицируется глаголом «напоминает»: *Пушкина, двадцатые годы, / Императора Николая / Это утро напоминает / Прелестью морозной погоды, / Очертаниями Летнего Сада / И легким полетом снежинок...*⁵.

Первый мир маркируется именем Пушкина и конкретизируется аллюзией на его «Зимнее утро» и, возможно, «Евгения Онегина». Образы морозного утра, Летнего сада, полета снежинок одновременно относятся к двум пространствам – пространству Пушкина и лирического героя Г. Иванова. Отметим, что «свой» мир герой видит литературно обработанным, сквозь призму пушкинских аллюзий (морозное утро, катание на санях, Летний сад). Образа поэта здесь еще нет: Пушкин, скорее, – это имя создателя претекста.

Следующие три строфы строятся как поиск аналогий между двумя мирами: туманные красавицы, художник, создающий их портреты (современный Судейкин), катания на лошадях, изысканные интерьеры (мебель красного дерева). Сопоставление подчеркивается грамматически: трехкратным повторением конструкции союз + временное наречие *тогда: но и тогда, как и тогда*. Предметная, бытовая аналогия перерастает в ментальную: у героев двух миров сходными оказываются умонастроения и политические идеалы: *Как и тогда, мы бы поверили, / Что декабристы спасут Россию*⁶.

В последней строфе вновь возникает имя Пушкина, теперь уже отсылающее к Пушкину-персонажу:

И, возвращаясь с лицейской пирушки,
Вспомнив строчку расстрелянного поэта,
Каждый бы подумал, как подумал Пушкин:
«Хорошо, что я не замешан в это»...⁷

⁴ Иванов Г.В. Стихотворения. СПб. : Академический проект, 2005. С. 366.

⁵ Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. С. 489.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Пушкинским именем маркируются два входных пространства: в одном из них обитает Пушкин-лицеист, в другом – зрелый Пушкин, размышляющий о восстании декабристов. Станным в размышлении Пушкина представляется воспоминание о расстрелянном, а не о повешенном поэте. Такая «оговорка» – сигнал возвращения к пространству лирического героя Георгия Иванова, который, как отмечают комментаторы, зашифровал в стихотворении намек на своего приятеля, поэта Леонида Каннегисера, действительно расстрелянного большевиками (Мосешвили, 1994, с. 600).

Грамматически фраза, на первый взгляд, представляется алогичной: в ней два деепричастных оборота, относящихся к разным субъектам, а в последних строчках к ним добавляется еще один, обобщенный «каждый». Однако запрещенное законами грамматики вполне логично с точки зрения необычной, живущей по законам художественного мышления структуры бленда: мир Пушкина это и есть мир Георгия Иванова и любого пушкинского (по)читателя. Пушкин-персонаж предстает в этом мире не только действующим, но и мыслящим. Его мысли – это мысли обычного человека, обывателя. А.Ю. Леонтьева (2019, с. 299) в качестве источника внутренней речи Пушкина называет строки из письма к А. Дельвигу: «Конечно, я ни в чем не замешан». При этом Г. Иванов совершает значимую замену: вводное слово со значением убежденности (*конечно*) превращается в оценочный предикат (*хорошо*). Так автор приближает к себе Пушкина, маскирует свои мысли под пушкинские, обосновывает обращением к классику свою собственную политическую позицию наблюдателя.

Непарадный облик поэта создается как самим предметом «дневниковых» размышлений, так и разговорными стилистическими средствами: сниженно маркирована лексика (*пирушка, не замешан*), естественно звучит внутренняя речь, с присущей ей актуализацией местоимений (*Хорошо, что я не замешан в это*). Разговорность как стилистический ресурс создания образа персонажа будет использована Г. Ивановым позднее в «Посмертном дневнике».

Акцент на бытовом плане прослеживается и в стихотворении 1931 г. «Медленно и неуверенно...», но строение образа персонажа здесь иное: Георгий Иванов следует модели, ориентированной на пушкинского «Поэта», в котором антиномично сочетаются «ничтожное» и «божественное».

Пушкин-персонаж вначале предстает «в заботах суетного света»⁸, описанных как постоянное, повторяющееся в своей обыденности свойство мироздания, отраженное в ходе небесных светил:

Все в этом мире по-прежнему.
Месяц встает, как вставал,
Пушкин именье закладывал
Или жену ревновал⁹.

⁸ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 томах. Т. 3, кн. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. С. 65.

⁹ Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. С. 291.

Вторая грань пушкинского образа – «божественный глагол»¹⁰ – интерпретируется Ивановым как субстанциональное свойство великого поэта слышать «смутную, чудную музыку» – музыку сфер, мировую гармонию.

Слово «музыка» принадлежит к ключевым словам поэзии Г. Иванова (Тарасова, 2008, с. 105). Как многозначный символ, эта лексема объединяет следующие значения:

- гармоническое начало вселенной, источник вдохновения (*Музыка мне больше не нужна, Музыка мне больше не слышна <...> Ничего не может изменить, И не может ничему помочь*¹¹);
- символ вечности (*Только расстоянье стало уже Между вечной музыкой и мной*¹²);
- символ смерти (*музыка, сводящая с ума*¹³).

Регулярно в контекстуальном употреблении эти значения совмещаются или просвечивают одно через другое. В пушкинском контексте Г. Иванова музыка – это, конечно, гармоническое начало, объясняющее тайну творчества поэта. Она поднимает Пушкина над бытом, делает его уникальным творцом художественной формы: «*Смутная, чудная музыка, Слышная только ему*»¹⁴. Но одновременно эта лексема реализует свое потенциальное значение символа смерти.

Пушкин-персонаж последней строфы вовсе не предстает перед читателем в момент творческого вдохновения – он предстает умирающим:

И ничего не исправила,
Не помогла ничему,
Смутная, чудная музыка,
Слышная только ему¹⁵.

Строго говоря, картины смерти поэта в стихотворении нет, как нет в нем и самой лексемы «смерть». Ощущение смерти, намек на трагедию задается в первой строфе символическими образами и мотивами, обладающими в поэтическом мире Г. Иванова некрологической семантикой: колыханье черных веток, запах весны и травы (ср.: *Черные ветки, шум океана, Звезды такие, что больно смотреть, Все это значит – поздно иль рано Надо и нам умереть*¹⁶...). Значим в этом ключе и мотив встающего месяца, который реализует архаическую символику светила царства мертвых.

Сцена смерти Пушкина присутствует в фоновых знаниях читателя, понимающего что именно «не исправила» музыка и чему она «не помогла». Через упоминание о музыке в последней строфе Г. Иванов подчеркивает: смерть Пушкина – это не смерть обычного человека (хозяина имения, мужа красавицы), это смерть Поэта.

¹⁰ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 томах. Т. 3, кн. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. С. 65.

¹¹ Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. С. 302.

¹² Там же. С. 456.

¹³ Там же. С. 299.

¹⁴ Там же. С. 291.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 516.

В 1930 гг. стилевая система Г. Иванова эволюционирует в направлении поэтики символизма. Сборники «Розы» и «Отплытие на остров Цитеру» содержат стройную систему поэтических знаков-символов, обладающих экзистенциальной семантикой. В это семантическое поле ивановской символики вовлекается имя Пушкина, которое становится знаком ушедшей России (ср. в «Распаде атома»: *Пушкинская Россия, зачем ты нас обманула? Пушкинская Россия, зачем ты нас предала?*¹⁷).

Вообще концепт «Россия» в художественном мире Г. Иванова обладает сложной структурой: он содержит три сегмента, условно говоря, три России: Россия-империя; Советская Россия; покинутая Родина, существующая в воображении и памяти лирического героя (Тарасова, 2008, с. 142). Пушкин-персонаж принадлежит миру Российской империи (неслучайно в стихотворении «Пушкина, двадцатые годы...» имена поэта и императора даны в синтаксическом параллелизме) и в значительной степени является символом ее трагической судьбы.

Процесс символизации пушкинского имени отчетливо просматривается в стихотворении «Россия счастье. Россия свет...». В нем выражена не только мысль о гибели пушкинской России, но и – полемически – сомнение в самом праве на существование воображаемой России как мира идеализированного, возникающего в поэзии русской эмиграции (*А, может быть, России вовсе нет*)¹⁸. Виртуальной реальности, окрашенной в ностальгические тона (*Россия счастье. Россия свет*), противопоставлен как символический образ России эпохи большевизма, так и русский вариант «мировой пустоты».

Стихотворение построено на пересечении двух рядов символических предикатов. Первый характеризует Россию как безусловную ценностную категорию (*Россия счастье. Россия свет*), второй, введенный модальной рамкой «может быть», – как бесконечное пустое пространство, зону смерти и страха (*«Россия тишина. Россия прах. А, может быть, Россия – только страх. Вербка, пуля, ледяная тьма И музыка, сводящая с ума»*)¹⁹. Знаками революционной России являются как лексемы, непосредственно отсылающие к семантическому полю смерти (*прах, пуля, веревка, ледяная тьма, ка-торжный рассвет*), так и традиционные поэтические символы смерти – *ночь* и *снег* (последний повторен 9(!) раз). П.Ф. Успенский (2016, с. 183) полагает, что эти природные реалии символизируют гибель русской культуры как таковой.

Казалось бы, возникающий в стихотворении образ Пушкина (*И Пушкин на снегу не умирал*) поддерживает смысловой ряд «идеальной» России (кроме Пушкина, в него попадает традиционная эмблема России *Кремль*, глубоко значимые для петербуржца Г. Иванова *Петербург* и *Нева*), однако мотив, в который он включается, также принадлежит полю смерти. Образная связь заката как символа смерти и умирающего поэта (*И над Невой закат не дого-*

¹⁷ Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. С. 32.

¹⁸ Полемические контексты исследованы П.Ф. Успенским (Успенский, 2016).

¹⁹ Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. С. 299.

рал, *И Пушкин на снегу не умирал*²⁰) еще раз эксплицирована в «Распаде атома» (*Раненый Пушкин упирается локтем в снег и в его лицо хлещет красный закат*²¹), образуя устойчивую концептуальную структуру творческого сознания Г. Иванова. Так в художественном мире Г. Иванова 1930 гг. фигура Пушкина устойчиво связывается с мотивом смерти. Значимо, что его именем открывается последняя книга поэта – «Посмертный дневник».

Стихотворение «Александр Сергеич, я о вас скучаю...» построено как диалог с воображаемым собеседником. Способом введения Пушкина-персонажа в текст становится стилевая транспозиция разговорных жанров «признание» и «разговор по душам».

Сама возможность жанровых транспозиций, то есть перехода жанра из одного стиля в другой, точнее включенности в художественный стиль высказываний, построенных по модели первичных (бытовых) речевых жанров (Бахтин, 1996, с. 164), обусловлена диалогическим характером текста Г. Иванова. Диалогичность – определяющая черта разговорной речи и поэтики «Посмертного дневника»: почти половина стихотворений построены по коммуникативной модели Я – Вы/ты, а лейтмотив «разговора» выполняет функцию циклообразующей скрепы (Коптелова, 2022, с. 251). На этой диалогической основе становится возможным моделирование бытового общения, которое всегда, по мысли М.М. Бахтина (1996, с. 181), проистекает в жанровой форме.

В стихотворении Г. Иванова стилистически трансформируются речевые жанры признания и разговора по душам. На смысловое пересечение этих жанров указывает Н.Н. Панченко (2022, с. 190): они соотносятся с коммуникативными ситуациями, сопряженными с моментами искренности и эмоциональной откровенности (ситуация «открытия души»).

Основную смысловую нагрузку в стихотворении несет событийное содержание жанра «разговор по душам». Высказывание в жанре «признание» выполняет роль своеобразной эмоциональной и стилистической «подводки». Иванов максимально сокращает дистанцию между субъектом речи и адресатом: воображаемый диалог ведется в непринужденной обстановке (за чашкой чая); отмечен маркерами разговорности и даже просторечности (фразеологизм «развесив уши»). Отчетливо разговорной окраской обладает стяженная форма обращения «Александр Сергеич» (дважды); повторяющаяся частица «ведь», инверсии (*С вами посидеть бы, с вами б выпить чаю*²²).

В общем виде признание – это открытое и откровенное сообщение о своих действиях, поступках, чувствах собеседнику. Оно существует в нескольких жанровых вариантах («любовное признание» – признание собеседнику в своих чувствах, «чистосердечное признание» – признание в своих, как правило, неблагоприятных поступках (Панченко, 2022, с. 186). По наблюдению Е.Г. Николаевой (2023, с. 57), ивановское «я о вас скучаю» звучит как «я вас люблю»: «Поэт, «перед тем как умереть», испытывает потребность поговорить с живым

²⁰ Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. С. 299.

²¹ Там же. С. 27.

²² Там же. С. 553.

Пушкиным, трогательно адресуя ему слова любви, застенчиво упрятанные в формулу «я о вас скучаю», то есть признание в любви носит не прямой характер. Для экспликации своего чувства герой употребляет слова со значением душевной близости: *Вы мне все роднее, вы мне все дороже*²³. В контексте стихотворения раскрывается и другая причина этой все возрастающей «привязанности»: приближение смерти. Коммуникативная цель жанра – искреннее сообщение о своих чувствах – используется Г. Ивановым с целью психологической мотивации выбора Пушкина на роль собеседника в пороговой ситуации (родной, близкий, любимый человек).

Если признание монологично, то жанр разговора по душам предполагает постоянную смену коммуникативных ролей. Как показывает В. Дементьев (2019, с. 257), этот жанр, воплощая основные ценности русской культуры (душа, дружба, искренность), полностью соответствует русскому коммуникативному идеалу. Содержание жанра – разговор о главном, о жизненных позициях и ценностях. Таким «главным» для Г. Иванова в «Посмертным дневнике» является мысль о надвигающейся смерти. В этом состоянии герой нуждается в жизненной опоре, в примере собеседника, которого он высоко ценит и который в то же время является «своим». И таким собеседником становится Пушкин.

Г. Иванов проецирует свой жизненный опыт на опыт погибшего поэта в последний год его жизни: *Александр Сергеевич, вам пришлось ведь тоже Захлебнуться горем, злиться, презирать, Вам пришлось ведь тоже трудно умирать*²⁴. Сообщая о глубоко личных чувствах и ощущениях, лирический герой адресует их Пушкину, потому что уверен в его искренности и душевной близости. Более того, он уверен, что его чувства аналогичны пушкинским (*вам пришлось ведь тоже*). Такая аналогия позволяет моделировать ответную реплику собеседника, предсказать, что, по мысли героя, должен ответить Пушкин при передаче ему коммуникативной инициативы (*Вы бы говорили, я б, развесив уши, Слушал бы да слушал*²⁵).

Как художественная речь использует стилистические ресурсы других стилей, переплавляет их для создания эстетической функции, так поэзия использует ресурсы разговорных жанров для создания эстетического эффекта.

Заключение

Георгий Иванов использует различные техники введения Пушкина-персонажа в текст: метрическую аллюзию на гекзаметрические стихотворения Пушкина («26 августа 1912 г.»); концептуальную интеграцию – пересечение ментальных пространств 1820 гг. и современности («Пушкина, двадцатые годы...»); символизацию: Пушкин – один из символов оставленной России, наряду со снегами, ночью, закатом, каторжным рассветом («Россия счастье.

²³ Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. С. 553.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Россия свет...»); стилевую трансформацию жанров «признание» и «разговор по душам» («Александр Сергеевич, я по вас скучаю...»). Фигура Пушкина воплощает различные грани художественного смысла, актуального для лирического героя Г. Иванова: мечту о поэтической славе; личную вовлеченность в трагические исторические события; прикосновение к мировой гармонии, музыке сфер; мужество перед лицом смерти.

Ориентируясь на пушкинскую антиномию «ничтожного» и «божественного» («Поэт»), Георгий Иванов строит образ Пушкина на пересечении высокой патетики и сниженной разговорной стихии.

Список литературы

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. М. : Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
- Дементьев В.В. «Разговор по душам» в системе ценностей русской речевой коммуникации // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7. № 1. С. 255–274. <https://doi.org/10.15826/qg.2019.1.375>
- Коптелова Н.Г. Пушкинский код в «посмертных» стихах Г.В. Иванова // Новый филологический вестник. 2022. № 3(62). С. 242–261.
- Леонтьева А.Ю. Лирическая биография Пушкина в поэзии Г. Иванова // Евразийское научное объединение. 2019. № 2–5(48). С. 298–302. <https://doi.org/10.5281/zenodo.2590787> EDN: ZACWVV
- Мосешвили Г.И. Комментарии / Г.В. Иванов // Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. С. 595–632.
- Николаева Е.Г. Пушкинские аллюзии и реминисценции в поэзии Г.В. Иванова // Культура и образование. 2023. № 2(49). С. 51–62. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2023-249-51-62>
- Панченко Н.Н. «Чистосердечное признание» в институциональной и бытовой коммуникации: речевой жанр или речевой поступок // Жанры речи. 2022. Т. 17. № 3(35). С. 186–193. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-186-193> EDN: VFLKLU
- Роготнев И.Ю. Пушкинские двустихия на перевод «Илиады»: регистры филологического анализа // Филология в XXI веке. 2019. № 2(4). С. 112–123. EDN: GRBSDW
- Тарасова И.А. Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова. Саратов : Наука, 2008. 208 с.
- Успенский П.Ф. «Россия счастье. Россия свет...» Г.В. Иванова и наследие Ф.М. Достоевского // Русская литература. 2016. № 1. С. 181–189.
- Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think : Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York : Basic Books, 2002. 464 p.

Сведения об авторе:

Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Астраханская, д. 83. ORCID: 0000-0003-3188-215X; SPIN-код: 3570-4543. E-mail: tarasovaia@mail.ru